НАТАЛЬЯ ПОВАЛЯЕВА

РАССКАЗЫ О ПРИВИДЕНИЯХ

ВОЛГОГРАДСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Наталья Поваляева
Рассказы о привидениях
Серия «Викторианские народные сказки»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6199014
ADVENTURE PRESS;
ISBN 978-1-300-53463-1

Аннотация

Мы с вами, уважаемый читатель, люди образованные и потому знаем, что привидений не существует. Нельзя же вот так взять и признаться: кто-то крадет у нас пуговицы. Подвывает ночью под окном и скрипит в шкафу. Делает губами такой звук, как будто из бутылки вынимают пробку. Хуже того: кто-то съедает наши пирожные! Вы наверняка сами помните подобные случаи: вот только что они (пирожные) были – и вдруг нет. Ну, и кто это сделал? Герцог Веллингтонский?

Но в этой книге вы, наконец, найдете правдивое изложение дел. С подробностями и наглядными картинками.

Содержание

Бешеная Сьюки и устричный кот 6
Аббатство Финчли 15
Добрые дела герцога Веллингтонского 22
Гостья из темноты 29
Заберите свое привидение! 38
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Наталья Поваляева
Рассказы о привидениях

Бешеная Сьюки и устричный кот

Горничная Сьюки Джоунз отошла к праотцам в канун Рождества, наевшись несвежих устриц (хотя миссис Ризли, кухарка, ее предупреждала!). Спустя месяц после этого прискорбного события на всех рыбных рынках Лондона уже судачили о проделках Бешеной Сьюки – так торговцы устрицами прозвали призрак отравившейся любительницы деликатесов. Бешеная Сьюки не пропускала ни одного базарного дня, иной раз успевая за день посетить до пяти рынков в разных концах города и навести там шороху. Более всего доставалось устричным рядам – Сьюки мстила за свою безвременную кончину, опрокидывая прилавки с товаром, подбрасывая под ноги продавцам и покупателям гнилые апельсиновые корки и скользкие рыбьи потроха (результат: пять переломов ног, одиннадцать переломов рук и тридцать восемь растяжений – и это за один месяц!) и поджигая тележки для развоза товара. Народные средства вроде сушеных кроличьих лапок, чеснока, толченого зуба девственницы или отвара из лягушачьих шкурок не помогали, даже крестное знамение – и то не могло осадить неугомонную Сьюки. Некоторые торговцы устрицами, подсчитывая еженедельные убытки, всерьез подумывали о том, чтобы переключиться на продажу чулок, табаку или, скажем, скобяных изделий.

В один из таких дней, когда Бешеная Сьюки была особенно активна, доктор Сэмюель Джонсон, составитель знаменитого «Словаря английского языка», любитель женщин, остряк и балагур, направился на рыбный рынок, чтобы собственноручно купить свежих устриц для своего любимого кота Ходжа. Идя по Флит-Стрит, доктор Джонсон, как обычно, разговаривал сам с собой и яростно жестикулировал, чем немало фраппировал прохожих, иные из которых лишь чудом успевали увернуться от увесистых кулаков размахавшегося лексикографа.

Добравшись до рынка, доктор Джонсон тотчас же направился к рыбным рядам, где всегда брал прекрасные свежие устрицы у одного и того же торговца – мистера Мозли. Однако, продравшись сквозь толпу к прилавку, доктор Джонсон с удивлением уставился на ровные ряды щеток для обуви, которые помещались ровно там, где на протяжении последних трех лет высились горки аппетитных устриц. Над щетками маячила кислая физиономия обычно веселого и бодрого мистера Мозли.

– День добрый, Мозли! – приветствовал торговца доктор Джонсон.

– Добрый, если вам угодно, доктор Джонсон, сэр, – замогильным голосом ответствовал Мозли.

– Друг мой, да на вас лица нет! И потом, скажите мне ради всего святого – что здесь делают эти щетки?! Куда подевались ваши замечательные устрицы?

– Ах, не спрашивайте! Это все Бешеная Сьюки! – мистер Мозли скривился так, словно у него болели все коренные зубы сразу, и поведал доктору Джонсону историю о мести отравленной горничной.

– И что же, Мозли, как теперь быть? – растерялся лексикограф.

– Я знаю только одно, сэр – на этом рынке устриц вам уж не найти. Придется мистеру Ходжу привыкать к треске да хеку.

И действительно – сколько не мыкался доктор Джонсон по рынку, устриц сыскать ему не удалось. Понуро, с треской подмышкой, вернулся ученый домой. Кот Ходж недоуменно обнюхал треску, а потом смерил хозяина таким взглядом, что бедный доктор Джонсон в тот день ничем уж не смог заниматься, а только сидел в креслах у камина да горестно взирал в окно.

В отличие от своего хозяина, Ходж предаваться меланхолии не собирался – напротив, он собирался действовать, и как можно скорее. Ну, сами подумайте – пять лет кормиться отборными свежайшими устрицами, и вдруг – треска! За что, позвольте спросить?!

Убедившись, что хозяин мирно посапывает в кресле, накрывшись вечерним выпуском «Таймс», кот Ходж черным ходом выбрался на улицу и отправился на рыбный рынок. Торговля там уже заканчивалась, под прилавками тут и там валялись рыбьи головы, потроха и скелеты, среди которых

сновали бездомные ободранные коты. Вонь стояла такая, что если бы у Ходжа был сюртук, он непременно вынул бы из кармана надушенный носовой платок и заткнул им свой нос. Но сюртука с надушенным платком в кармане у Ходжа не было, зато была цель – выяснить, куда и по чьей вине подевались устрицы.

Для этого нужно было поговорить с одним из местных ободранцев. Отбросив сословную гордость, Ходж направился к полосатому корноухому коту, который спрятался под тележкой и терзал селедочный хвост.

– Привет, Том! – позвал корноухого Ходж. Всех бездомных котов зовут «Том» – так уж заведено.

Корноухий оторвался от хвоста и хмуро поглядел на Ходжа. Желание надрать задницу этому наглому домашнему фраеру вступило в конфликт с желанием выказать свою осведомленность и компетентность, и в итоге победило последнее.

– Ну что ж, облизок, слушай, – снисходительно сказал корноухий, и Ходж решил пропустить «облизка» мимо ушей – ради дела.

Спустя десять минут Ходж знал достаточно для того, чтобы разработать план действий и приступить к его осуществлению. Ему было известно, где искать Бешеную Сьюки (на чердаке дома мистера и миссис Грин, у которых и служила горничная до того скорбного момента, как отведала несвежих устриц), и как она выглядит (привидение средней про-

зрачности, невысокое, коренастое, одето в платье горничной и изрядно засаленный передник, карманы которого набиты устричными раковинами).

Забраться на чердак дома четы Гринов Ходжу труда не составило – одна из веток развесистого платана, росшего во дворе, удобно упиралась прямо в чердачное окошко. Чердак был битком набит всякой рухлядью, которая громоздилась вдоль стен, валялась под ногами и даже свисала с потолка. Непросто было среди этого кавардака разглядеть Бешеную Сьюки, но Ходж все же сумел. Бывшая горничная спала в треснувшем деревянном корыте, укрывшись старым форменным сюртуком мистера Грина. Ходж на мягких лапах подобрался к изголовью и тихонько потрогал лапой нос Бешеной Сьюки. Та, не раскрывая глаз, поморщилась, чихнула и резко села в корыте. Несколько секунд Ходж и привидение молча взирали друг на друга, затем Бешеная Сьюки, окончательно проснувшись, сказала:

– Экий ты пузырь! Когда это, интересно, Грины успели таким котярой обзавестись?

– Мисс, не будучи постояльцем этого дома, я пришел сюда специально для того, чтобы встретиться с вами! – молвил кот Ходж и галантно распушил усы.

– Святые угодники! – всплеснула руками Сьюки. – Говорящий кот!

– Однако странно, мисс, – обиделся Ходж, – понравится ли вам, если я в свою очередь удивлюсь говорящему приви-

дению?

– Да ладно, не куксись, – Сьюки улыбнулась и погладила Ходжа по голове, и стало ясно, что когда она не изображает из себя ангела мщения, то может быть довольно милой. – Ну, выкладывай, зачем пришел.

Ходж изложил причину своего визита подробно и обстоятельно: рассказал, как с младых когтей привык вкушать на обед устрицы, как хозяин – большой, между прочим, человек, ученый и мастер изящной словесности – не считал зазорным собственной персоной приобретать этих устриц на рыбном рынке, и как все рухнуло в один момент, когда в миске Ходжа вместо привычных устриц оказалась треска.

– И что мы имеем теперь? – возвысив голос, вопрошал Ходж. – Я вынужден голодать, а хозяин, не в силах выдержать страданий своего любимца – то есть меня, – забросил все свои научные изыскания и медленно чахнет в кресле у камина. Лексикография в опасности!!!

Последняя фраза была хоть и эффектной, но лишней – Сьюки не знала, что такое «лексикография», а потому ей было совершенно до лампочки, в опасности она или нет. Однако пламенная речь кота Ходжа ее умилила и тронула, и она сказала:

– Ладно, пузырь, я верну устрицы на рынки Лондона, но только при одном условии. Ты будешь время от времени навещать меня! Как тебя зовут?

– Ходж, мисс! – радостно отрапортовал кот. – И я почту

за честь наносить вам визиты!

На следующее утро торговцы всех рыбных рынков города обнаружили одинаковое послание, выложенное на пустующих прилавках устричными раковинами:

«Я больше не злюсь. Сьюки»

Возблагодарив небеса, устричные торговцы возвращались к покинутым прилавкам; пирамиды переложенных льдом свежайших устриц вырастали тут и там скорее, чем грибы после дождя. А в полдень того же дня доктор Джонсон обнаружил на крыльце своего дома корзинку с двумя дюжинами устриц и запиской:

«Я снова в деле! Мозли»

А купленную доктором Джонсоном треску Ходж отнес в качестве подарка корноухому коту с рыбного рынка.

Призрак Сьюки Джоунз и кот Ходж

Аббатство Финчли

Леди Маунтбридж овдовела, когда ей исполнилось сорок три года. С тех пор она пребывает в неизменно приподнятом настроении и наслаждается одиночеством в аббатстве Финчли – огромном викторианском особняке, доставшемся по наследству от усопшего супруга.

Однако сразу же следует отметить, что одиноким существование леди Маунтбридж кажется лишь посторонним – главным образом, обитателям окрестных селений. Любой житель Йоркширской равнины с удовольствием поведает вам, что после того, как лорд Маунтбридж сковырнулся с лошади во время лисьей охоты и сломал шею, хозяйка Финчли заперла себя в мрачном имении и съехала с катушек или, как принято говорить в этих местах – обрюквилась, а за тридцать пять лет вдовства положение лишь усугубилось. На самом же деле леди Маунтбридж и не думала обрюквиваться – напротив, никогда ранее она так не развлекалась, как в последние тридцать пять лет.

Что же до одинокого заточения, то тут жители Йоркширской равнины сильно заблуждались: у леди Маунтбридж была компания, и компания эта ни разу за тридцать пять лет хозяйку Финчли не разочаровала. Кто же это? – спросите вы. Наверное, компаньонка – молодая, прекрасно воспитанная

и столь же прекрасно образованная девица из приличной, но обедневшей семьи? Ха-ха-ха! – рассмеемся мы. Не для того леди Маунтбридж двадцать три года терпела старого, скучного, вечно брюзжащего, похожего на потертое седло, подагрического лорда Маунтбриджа, чтобы после счастливого избавления от него обречь себя на вечное вязание, инспектирование огородов и обсуждение романов Диккенса в гостиной у камина! Нет, у леди Маунтбридж был совсем иной друг, но обо всем по порядку.

Однажды, спустя три месяца и две недели после прискорбного события, приключившегося с лордом Маунтбриджем, леди Маунтбридж внезапно проснулась среди ночи от странного ощущения, что в комнате кто-то есть. И действительно, в комнате был кое-кто – леди отчетливо видела его очертания в лунном свете, струившемся сквозь узкое стрельчатое окно ее спальни.

– Гарри, старая калоша! – воскликнула леди Маунтбридж.

– Марджори! – глухим, словно со дна бочки, голосом ответило привидение лорда Маунтбриджа – а это, как вы уже догадались, было именно оно.

– Какого черта ты приперся, Гарри?! – ничуть не пугаясь призрака, строго спросила леди Маунтбридж. – Кто тебя звал?!

– Скучаешь ли ты по мне, Марджори? – спросило привидение, зависнув возле умывальника.

– Да с чего мне скучать? – возмутилась леди Маунт-

бридж. – Ты, Гарри, как был болваном при жизни, так болваном и остался, как я погляжу. Нечем заняться, что ли? Если так – отправляйся лучше в Сассекс к кузине Бетти и пугай ее, старую перечницу!

Сказав это, леди Маунтбридж свесилась с кровати, пошарила рукой по полу, нащупала тапок и прицельно метнула его в привидение. Тапок пролетел сквозь бывшего лорда Маунтбриджа и попал точнехонько в кувшин для умывания, который тотчас же упал и разбился вдребезги. Однако привидение ничуть не испугалось, и уходить явно не спешило. Леди Маунтбридж озиралась в поисках более основательного метательного снаряда, как вдруг створки ее гардероба со скрипом раскрылись, и оттуда выплыло второе привидение.

– Ну, ты совсем сбрендил, Гарри, черт тебя подери! – воскликнула леди Маунтбридж. – Кого это ты с собой притащил?!

Однако второе привидение не было спутником покойного лорда Маунтбриджа. Это был призрак семнадцатилетнего юноши по имени Билл Кроссби, который в прошлом году, на Троицу, утопился в пруду из-за несчастной любви к дочери местного бакалейщика. Билл уже давно прижился в имении Финчли, но не показывался на глаза хозяйке, не зная наверняка, обрадуется ли она компании или, наоборот, испугается. Но сейчас, видя, что леди Маунтбридж не рада визиту своего покойного супруга, Билл рыцарственно выплыл на середину хозяйской спальни и молвил:

– Одно ваше слово, миледи – и я вышвырну вон этого наглеца!

– Валяй! – сказала миледи и уселась поудобнее на кровати, словно на трибуне ипподрома в ожидании очередного забега.

Билл повернулся к призраку усопшего лорда, и стал резко увеличиваться в размерах, одновременно нависая над соперником и замогильно подвывая:

– У-у-у-у-у-у-бира-а-айся в-о-о-о-н, в-о-о-о-о-о-он!!!

Призрак лорда, надо отдать ему должное, не испугался этих спецэффектов, смерил презрительным взглядом Билла и с достоинством удалился, растворившись в стене.

После этого состоялось официальное знакомство Билла и хозяйки имения. Леди Маунтбридж спросила, отчего Билл поселился именно в аббатстве, а не, к примеру, в доме отвергшей его возлюбленной? На это Билл отвечал, что первым делом, конечно, отправился именно к Флоренс Браун, но девушка так пронзительно и противно орала всякий раз, когда привидение утопившегося воздыхателя появлялось в ее спальне, что Билл, фигурально выражаясь, плюнул и убрался восвояси. А Финчли он выбрал потому (здесь привидение стыдливо потупилось), что его всегда манили роскошь и удобства.

– Но если вы против, миледи – я уйду! – пылко завершил свой рассказ Билл.

Леди Маунтбридж на минутку задумалась, а потом спро-

сила:

– А в шахматы ты играть умеешь?

– Еще как умею! – ответило привидение и мило улыбнулось.

– Ну, тогда оставайся! Только вовсе не обязательно ночевать в моем гардеробе, – сказала хозяйка Финчли. – Думаю, ты можешь занять спальню лорда Маунтбриджа, а если он вдруг заявится – кинь в него кубком Оксфордского чемпионата по гольфу, он там стоит на каминной полке, слева.

Так они и зажили душа в душу, леди Маунтбридж и призрак юного утопленника Билла. По вечерам они долго сидят в гостиной и играют в шахматы, а днем гуляют – главным образом, по парку, прилегающему к имению Финчли. Билл рассказывает леди Маунтбридж о своей нечастной любви, а леди – о противном лорде Маунтбридже. Леди Маунтбридж, которой теперь далеко за семьдесят, любит повторять, как она рада тому, что у нее есть уникальная возможность «из первых рук» узнать все о жизни привидений. Когда придет мой черед, говорит леди Маунтбридж, уж я не ударю лицом в грязь и буду точно знать, как себя вести! Билл смеется в ответ, а потом просит леди Маунтбридж не торопиться в мир призраков.

А лорд Маунтбридж, обидевшись на нерадушный прием, больше в Финчли не появлялся. Как ни странно, он прислушался к совету бывшей супруги и отправился в Сассекс, к кузине Бетти. Кузина, конечно, сперва, как и положено, при-

зрака пугалась и даже пару раз для приличия упала в обморок, но потом призналась, что давно была влюблена в лорда Маунтбриджа и дико завидовала его супруге. Так что теперь кузина Бетти и привидение лорда Маунтбриджа тоже живут душа в душу – кузина вяжет или вышивает, а лорд рассказывает ей про лисью охоту.

Лис лорда Маунтбриджа

Добрые дела герцога Веллингтонского

– Ну, и кто это натворил?! Не иначе – Герцог Веллингтонский?! – лорд Бризли, грозно сдвинув брови, нависал над служанкой Лиззи Хопкинс, которая, в свою очередь, судорожно всхлипывая и комкая намоченный слезами край фартука, нависала над останками веджвудской чашки.

– Ума не приложу, сэр, как это вышло, – причитала Лиззи. – Я не хотела…

– Зато я отлично знаю, как это вышло, – прогремел лорд Бризли. – Когда у прислуги кривые руки, у хозяев, как правило, чайные сервизы тают на глазах! Стоимость чашки будет удержана из твоего жалованья! А теперь проваливай с моих глаз долой!

Лиззи Хопкинс ушла, давясь слезами, а кухарка Доркас, бывшая свидетельницей этой сцены, бросила на хозяина взгляд, яснее ясного говоривший «Чтоб ты сдох, старый хрыч!»

Нужно признать, что подобное пожелание (правда, в различной стилистической аранжировке) мысленно или вполголоса посылали все обитатели Бризли-Холла его хозяину хотя бы раз в день. Лорд Бризли был исключительно неприят-

ным человеком, и одной из его многочисленных неприглядных черт была склонность в минуты недовольства поминать герцога Веллингтонского.

– Куда это подевался мой монокль! По-видимому, его спёр герцог Веллингтонский! (Своему камердинеру)

– А что, герцог Веллингтонский объявил сегодняшний день выходным? (Садовнику, присевшему на пять минут глотнуть из термоса чаю)

– Двадцать пять фунтов за платье! И кто, по-вашему, будет оплачивать этот счет – герцог Веллингтонский? (Супруге, леди Бризли)

– Куда это вы так вырядились? Неужто на свидание с герцогом Веллингтонским? (Дочери, мисс Энн Бризли)

В устах лорда Бризли герцог Веллингтонский выходил совершенно парадоксальной фигурой: он, с одной стороны, был виновен во всех случаях поломки или уничтожения домашней утвари, а с другой – служил недосягаемым идеалом и беспристрастным судьей. Все домочадцы давно уже свыклись с незримым присутствием великого полководца, однако вряд ли кто-то мог предвидеть, что присутствие это однажды может стать зримым.

Вот как это было.

18 октября, сразу после обеда, лорд Бризли вошел в библиотеку, чтобы выкурить сигару и просмотреть вечерние газеты, однако последних не обнаружил. Открыв дверь так, чтобы камердинер и дворецкий могли слышать, лорд Бризли

громко спросил у книжного шкафа:

– Интересно, и где же газеты?! Видимо, их съел герцог Веллингтонский!

– Совершенно верно, – прозвучало за спиной лорда Бризли.

Сомнений быть не могло – в библиотеке был кто-то еще! Лорд Бризли испуганно подпрыгнул, выронил сигару и монокль, и медленно обернулся. Увиденное заставило хозяина Бризли-Холла всплеснуть руками и грузно осесть на пол возле одного из книжных шкафов: в кресле у камина, удобно положив ногу на ногу, сидел герцог Веллингтонский и с аппетитом дожевывал газетный лист.

– Добрый вечер, дражайший лорд Бризли! – сказало привидение. – Вы столь часто упоминали меня, что я решил самолично нанести вам визит! Вы рады?

– А… ы… – лорд Бризли, издавая бессвязные курлыкающие звуки, кое-как поднялся на четвереньки и дополз до ближайшего кресла.

– Вижу, что рады, – констатировал герцог Веллингтонский. – Нет-нет, не стоит тянуться к звонку – кроме вас, меня никто не увидит, дорогой лорд. И если вы станете настаивать, что видели меня во плоти, сидящим в вашей библиотеке и жующим ваши газеты – сами знаете, где вы окажетесь очень скоро. Не скрою, такой поворот устроил бы многих в Бризли-Холле. Но вряд ли он устроит вас, не так ли?

Лорд Бризли открыл рот и, не издав ни звука, закрыл его.

– Ну, вот. Так-то лучше, – сказал герцог Веллингонский и откинулся на спинку кресла так, словно собирался продекламировать стихотворение. Но декламировать не стал, а вместо этого высказал следующую мысль:

– Мне кажется, мой дорогой Бризли – вы же не против, если я стану так вас называть? – так вот, мне кажется, что вам необходимо в корне менять стиль вашего общения с домочадцами. В противном случае я стану сопровождать вас ежеминутно и сделаю вашу жизнь невыносимой – почти так же, как вы сделали невыносимой жизнь ваших родственников и ваших слуг!

Лорд Бризли вжался в кресло и дрожал мелкой дрожью, постукивая зубами.

– Ну-ну, – примирительно сказало привидение, – не стоит так пугаться. На самом деле, быть любезным и великодушным не так уж и сложно. Вы справитесь! Я в вас верю. Итак, удачи вам, а мне уже пора откланиваться – я слышу шаги в коридоре!

И действительно, к библиотеке кто-то приближался. Герцог Веллингтонский сделался прозрачным и медленно растворился. В тот момент, когда он полностью исчез, в библиотеку вошел дворецкий Лиддл.

– Вечерние газеты, сэр, – почтительно склонившись, сказал он. – Прошу меня простить за задержку, сэр, но почтальон принес их только сейчас…

Дворецкий стоял с обреченным видом, готовый получить

порцию брани с неизменным поминанием герцога Веллингтонского, однако, к своему изумлению, услышал нечто прямо противоположное:

– Ну что вы, Лиддл, какие пустяки, – и лорд Бризли растянул рот в подобие улыбки. – Можно подумать, герцог Ве… я хотел сказать – ничего страшного, если я прочту «Таймс» на полчаса позже заведенного времени. Думаю, это не потрясет основы, хе-хе…

– Да, сэр, – суконным языком промямлил ошеломленный дворецкий и вышел вон.

В течение последующих дней обитатели Бризли-Холла только и делали, что удивлялись переменам в характере хозяина дома.

Так, леди Бризли неожиданно получила в подарок от мужа чек на пятьдесят фунтов, врученный со словами «Я думаю, дорогая, что вам надо развлечься и… э-э-э… обновить ваш гардероб».

Мисс Бризли также получила чек на круглую сумму и – что ее порадовало особенно – разрешение выезжать в Лондон на отцовском «Бентли».

Камердинер и дворецкий получили по коробке прекрасных сигар и одну бутылку виски на двоих.

Садовник получил пачку настоящего индийского чая и разрешение делать два получасовых перерыва в течение рабочего дня.

А служанка Лиззи, получая свое еженедельное жалова-

ние, обнаружила, что из него не было вычтено ни пенни, каковой новостью она тут же и поделилась с кухаркой Доркас. «Хм, тут не обошлось без герцога Веллингтонского, помяни мое слово», – сказала Доркас, как всегда, прозревая истину.

Призрак герцога Веллингтонского, поедающий газету

Гостья из темноты

Маленькая Милдред Берри ужасно боялась темноты, и никто не мог с этим ничего поделать. Родители сочиняли для Милдред истории про Добрую и Нестрашную Темноту, которая живет в детской и послушным детям показывает самые увлекательные сны на свете. Бабушка и дедушка дарили Милдред книжки, в которых рассказывалось про храбрых девочек и мальчиков, которые отважно спали в полной темноте и за это получали в подарок куклу, модель корабля, самокат, щенка или котенка. Милдред не имела ничего против того, чтобы получить в подарок щенка, но бросаться ради этого в пасть Темноте она не собиралась.

Каждый вечер повторялось одно и то же: мама укладывала Милдред в постель и готовилась выключить свет, но тут начинался концерт:

– Нет, нет, мамочка, пожалуйста, не выключай!

– О, Милдред, ну не начинай снова! Как же ты заснешь, если я оставлю свет?

– В темноте я тем более не засну! Там чудовища!

– Ну, полно, детка, ты же уже большая!

(Это было особенно несправедливо: когда шестилетняя Милдред просила родителей купить ей пони, они говорили, что для пони она еще слишком маленькая. А для Страшной

Темноты, значит, уже вполне большая?)

– Там чудовища! Чудовища!

– Ну, какие чудовища? Где?

– Везде! Под кроватью, за шторами, в гардеробе, за креслом, в умывальнике…

– Ладно, довольно, Милдред. Я оставлю открытой дверь.

Тем всегда и заканчивалось – мама оставляла дверь в коридор открытой, и так немного света попадало в детскую. Но темные неосвещенные углы все равно таили массу опасностей.

О каких чудовищах говорила Милдред? О, это была целая бандитская клика! Под кроватью жил мистер Трилобит. (Это слово Милдред как-то услышала от папы и решила, что так может называться только чудовище; вспомним, как выглядит трилобит – и согласимся, что Милдред была недалека от истины!) Трилобит никогда не сидел на месте – все время елозил, шуршал и скрипел половицами. Иногда он утаскивал под кровать тапочки Милдред, и утром их никак не удавалось выудить!

В узкой нише между гардеробом и окном жила мадам Жердь: худющая, словно палка, на голове – старомодный чепец с лентами, во рту – страшные желтые клыки, а на руках – длинные-предлинные ногти, похожие на когти. Мадам Жердь постоянно клацала зубами, заунывно подвывала и скребла когтями по оконному стеклу, производя звук, от которого по спине бежали толпы гигантских мурашек-му-

тантов.

В гардеробе обосновался мистер Колода. Он был толстый, страдал одышкой (точно как папин друг мистер Пердью), а еще его постоянно бил озноб. От озноба мистера Колоды дрожал весь гардероб, позвякивал ключ в замочной скважине, а иногда сами собой распахивались дверцы.

Умывальник оккупировало противное существо по имени Ослиная Задница. Милдред знала, что это нехорошие слова, и вслух их никогда не произносила. Зато их постоянно произносила вслух кухарка – Ослиной Задницей она называла посыльного, который вечно приносил не ту ветчину или неправильный мармелад. Но Ослиная Задница из умывальника была почище посыльного. Она дула, свистела и жужжала в сливную трубу, отчего труба надрывно булькала в ответ, и хотя родители уверяли, что это «самый обыкновенный засор», Милдред отлично знала, что все дело – в Ослиной Заднице.

За креслом жила мисс Пробка – щупленькая беззубая старушка, которая умела губами делать такой звук, как будто из бутылки вынимают пробку. Как бы вам понравилось, если бы в ночной тиши, в темноте, прямо за креслом, раздался бы такой звук? То-то же.

В общем, не зря Милдред боялась темноты, и только глупые взрослые ничего не понимали. Впрочем, им-то бояться было нечего – папа и мама спали вместе, в одной постели! Однажды Милдред заявила, что будет спать вместе с ними,

но все, как попугаи, заладили, что так делать нельзя – и папа с мамой, и бабушка с дедушкой, и горничная Роззи, и кухарка, и даже посыльный Ослиная Задница!

Милдред лежала в кровати, натянув одеяло до самых глаз, и прислушивалась. Вот. Слышите скрежет? Это мадам Жердь взялась скрести когтями по стеклу. Так, а вот мистер Трилобит заерзал под кроватью. За креслом хлопнуло – мисс Пробка взялась за дело. В умывальнике булькнуло – проделки Ослиной Задницы. Только что-то мистера Колоды сегодня не слышно…

Вдруг Милдред услышала шаги. Тихие шаги в коридоре. Они приближались к детской, и это не были шаркающие шаги папы или четкие, звонкие каблучки мамы. Все ближе, и ближе, и ближе. Милдред села в кровати и замерла от страха. Но вскоре испуг сменился изумлением: на пороге детской стояла маленькая девочка. Выглядела она лет на шесть-семь – то есть была ровесницей Милдред.

– Ты кто? – шепотом спросила Милдред.

– Меня зовут Дина. Можно к тебе?

– Заходи!

Дина вошла в детскую и приблизилась к кровати.

– Забирайся сюда, – сказала Милдред и похлопала по одеялу.

Дина уселась на кровать.

– Что ты здесь делаешь? – спросила Милдред. – Как ты сюда попала? Роззи забыла запереть дверь?

– Двери мне не помеха, – ответила Дина и засмеялась. – Но вообще я живу тут давно.

Милдред была озадачена. Она доподлинно знала, что до нынешней ночи была единственной маленькой девочкой во всем доме. Но вот теперь Дина говорит, что живет в доме давно?

– Ты – моя незаконнорожденная сестра? – блеснула догадкой Милдред. Она слышала обрывки разговоров взрослых и знала, что иногда у людей внезапно обнаруживаются родственники, и чаще всего такие внезапно обнаружившиеся родственники считаются незаконнорожденными.

Дина снова засмеялась в ответ, но потом резко стала серьезной и сказала:

– Обещай мне, что не испугаешься, и не будешь визжать.

– Ну-у-у… ладно, обещаю, – пообещала Милдред, но про себя решила, что если случится что-то страшное, то завизжит непременно. Обещание обещанием, но кто ее, эту Дину, знает – вот и двери ей не помеха, а это подозрительно!

– Я – привидение, – Дина сделала эффектную паузу.

Милдред открыла рот, но кричать или визжать все же не стала. Потом подумала немного, и сказала:

– Ты не страшное привидение и совсем не старое! Вот бабушкина подруга, миссис Невилл, жаловалась, что к ней все время является призрак ее прапрадедушки, который дожил до девяноста трех лет. Вот это, наверное, жуть!

Помолчали.

– А почему я тебя раньше здесь не видела? – возобновила беседу Милдред.

– Я пряталась на чердаке.

– Ой, и как тебе только не страшно там, в темноте?

– Совсем не страшно. Чего бояться темноты?

– Как – чего?! – Милдред вскрикнула в полный голос, позабыв об осторожности, и испуганно прикрыла губы ладошкой. Потом продолжила громким шепотом:

– Разве ты не знаешь, что в темноте прячутся чудовища? Ты же привидение! Ты должна это знать!

– Вот именно! Я привидение, и как привидение уверяю тебя – никаких чудовищ в темноте нету!

Милдред недоверчиво поглядела на свою собеседницу и спросила:

– Да? А как же тогда Трилобит?

– А, этот, – беспечно махнула рукой Дина. – Никакое он не чудовище. Самый обыкновенный подкроватный дух – питается крошками от печенья, закатившимися под кровать мелочами и пауками.

– Так вот, значит, кто съел пуговицу от моего синего платья! А я ее обыскалась везде! – ошеломленно пролепетала Милдред.

– Конечно, съел – Трилобит обожает пуговицы! – уверила Дина.

– А мадам Жердь? Она тоже не чудовище? – спросила Милдред.

– Конечно, нет, – сказала Дина. – Она – стражник окна!

– Стражник окна! – эхом повторила Милдред.

– Именно. Всю ночь напролет она смотрит в окно, и как только злые духи, витающие в ночи, вознамериваются заглянуть в комнату, мадам Жердь стуком ногтей по стеклу отгоняет их прочь. Клыки ей также нужны для устрашения непрошенных гостей! – объяснила Дина.

– Ну, а мистер Колода? – горя нетерпением, спросила Милдред.

– Мистер Колода – дух гардероба и борец с молью. Когда он трясет гардероб, моль, усевшаяся было со всеми удобствами на пальто или свитер, падает на пол! Когда такая тряска происходит постоянно, моли надоедает, и она подыскивает себе новое пристанище.

– О, надо попросить мистера Колоду пожить два-три дня в мамином гардеробе, а то она жаловалась, что моль съела ее новую меховую горжетку! – сказала Милдред. – Но скажи мне, неужели даже Ослиная Задница – не чудовище?

– И Ослиная Задница, и мисс Пробка – самые обыкновенные домашние духи, – уверила Дина. – Ослиная Задница отвечает за все водосточные трубы в доме – продувает их, чтобы они не засорялись. А мисс Пробка просто слишком старая – когда-то давным-давно ее постукивание было зачем-то нужно, но теперь уже никто не помнит – зачем. И сама она тоже этого не помнит, но делает – по привычке.

– Как хорошо, что ты пришла и все мне объяснила, – ска-

зала Милдред. – Теперь я вижу, что в темноте действительно нет ничего страшного, а даже наоборот!

– Здорово! – сказала Дина. – А ты не будешь против, если я время от времени буду тебя навещать? Мы могли бы поиграть в лото или в узелки…

– Конечно, приходи! А то от папы с мамой не дождешься, чтобы они со мной поиграли, а бабушка с дедушкой играть и вовсе не умеют, только рассказывают истории про каких-то кузин и двоюродных внучатых племянников, которых я никогда в глаза не видела!

– Отлично! Тогда до завтра! – сказала Диана. – Мне закрыть дверь в коридор?

– Закрывай! – храбро разрешила Милдред.

Она удобно улеглась, укрылась одеялом, и мысли стали кружиться в ее голове, словно стеклышки калейдоскопа.

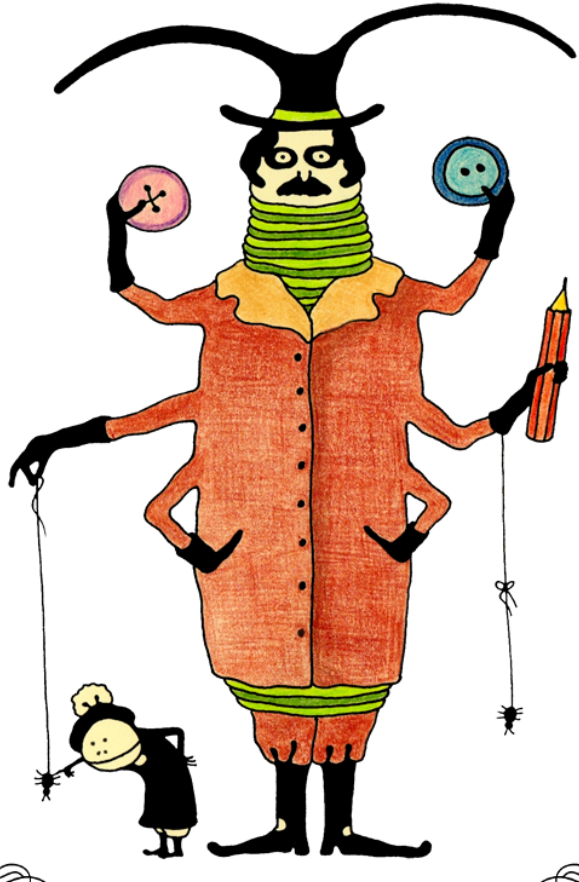
«Интересно, а если уронить на пол карандаш, Трилобит съест его?»

«А зачем мадам Жердь подвывает, если злые духи за окном ее все равно не слышат?»

«Раз я теперь не боюсь темноты, я могу попросить у мамы и папы щенка!»

А потом Милдред, наконец, крепко уснула.

Мистер Трилобит



Заберите свое привидение!

Стояла темная грозовая ночь.

Дождевые потоки заливали оконное стекло, словно слезы – лицо безутешной вдовы; оголенные ветви деревьев, узловатые, будто руки покойников, зловеще скреблись по подоконнику; ветер уныло завывал в трубах, а небо то и дело освещалось молниями, похожими на зарево далекого пожара. «И шагу не пройдешь, со страху портков не обделавши», – говорили обычно жители деревушки Хайер Пикстон, характеризуя подобные погодные условия.

Однако в гостиной нотариуса Биллингса было уютно и тепло, весело потрескивали поленья в камине, и погодные условия за окном вовсе не мешали хозяину и его гостю вести приятную беседу. Гостем был партнер мистера Биллингса, совладелец нотариальной конторы «Биллингс, Флетчер и Коул», мистер Флетчер. Что же касается мистера Коула, то его никто никогда в глаза не видел, и злые языки поговаривали, что мистер Биллингс и мистер Флетчер придумали третьего совладельца для солидности, но сейчас не об этом.

Потягивая херес, партнеры обсуждали курьезное дело, с которым совсем недавно им пришлось столкнуться. Некий мистер Лиджинс, владелец особняка «Ивы», что в трех милях от Хайер Пикстон, подал иск на фермера Джулиуса Фаста, обвиняя последнего в том, что он «подбросил свое фа-

мильное привидение во владения мистера Лиджинса с целью нарушения душевного спокойствия его родственников и для приведения в упадок семейного бизнеса истца». Далее в иске говорилось о подброшенном привидении. Оказывается, у фермера Фаста была полоумная бабка, которая постоянно глотала вещи – пуговицы, монеты, наперстки, пробки, чайные ложечки, монокли, запонки и т. п. Причем с течением времени габариты проглатываемых вещей увеличивались, и кончилось тем, что старушка отдала Богу душу, проглотив кофемолку. Некоторые фольклористы и литературоведы полагают даже, что именно образу бабушки фермера Фаста и обязана своим появлением знаменитая песенка «Жила-была старуха, что проглотила муху».

Спустя месяц после смерти глотательницы по деревне пошли слухи, что старушка вернулась – теперь в виде привидения, и продолжает пожирать все, что попадается ей на глаза. Активнее всего поддерживал эти слухи Джулиус Фаст, внук глотательницы – каждый день у него была новая история о похождениях покойной родственницы. Некоторые обитатели Хайер Пикстон подозревали, что фермер придумывает все эти небылицы, чтобы получать бесплатную выпивку в пабе, но дальнейшие события убедили даже самых заядлых скептиков в том, что привидение старухи существует.

Однажды мистер Лиджинс, хозяин особняка «Ивы», спустился ночью в кухню, чтобы попить воды, и к своему ужасу и негодованию обнаружил там призрак бабки фермера Фа-

ста, которая с завидной сноровкой и скоростью поедала кухонную утварь. Мистер Лиджинс схватил чугунную сковороду, которую призрак еще не успел проглотить, и, размахивая ею и оглашая кухню громогласными проклятиями, бросился преследовать незваную гостью. Привидение ретировалось, однако спустя два дня вновь появилось в «Ивах» – на сей раз в комнате супруги мистера Лиджинса. Проснувшись среди ночи, миссис Лиджинс увидела прямо возле своей кровати призрак старухи, который сноровисто поедал украшения из шкатулки, стоявшей на прикроватном столике. Миссис Лиджинс закричала и лишилась чувств, на крик прибежала дочь супругов Лиджинс, восемнадцатилетняя Айрис, и тоже лишилась чувств. В общем, когда на место событий прибыл сам мистер Лиджинс, он обнаружил два бездыханных тела и пустую шкатулку. Семейный доктор, мистер Барри, быстро привел в чувство миссис и мисс Лиджинс, а вот драгоценности исчезли бесследно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.